

УДК: 94

DOI: 10.31857/S2686673024050069

EDN: ZXBMEZ

К 200-летию со дня подписания первой Русско-американской конвенции

А.Ю. Петров

Институт всеобщей истории РАН

119991 Москва Ленинский проспект, 32а.

WoS Researcher ID: AAQ-5429-2020 Scopus Author ID: 55956501100

ПИНЦ Author ID: 655169 ORCID: 0000-0002-1688-4096

E-mail: alaska13@yandex.ru

Резюме. В данной статье рассматриваются причины подготовки и особенности подписания Конвенции между Россией и США о мореплавании, рыболовстве, торговле и поселениях на северо-западном побережье Америки. Этот период был характерен развитием связей с США, но и обострением отношений с этой страной, возникших из-за борьбы за новые территории на севере Тихого океана. Россия первая заявила о своих притязаниях на расширение колониальных владений.

В отличие от 1799 г., когда Россия объявила о том, что у нее появились заморские колонии и не получила каких-либо возражений со стороны США, в 1821 г. попытка расширить территорию русских колоний на 10 градусов привела к обострению российско-американских отношений. В 1824 г. была заключена конвенция между Россией и США, которая определила границы владений этих держав в указанном регионе. В статье, построенной на междисциплинарном подходе, привлекаются новые архивные материалы. Пожалуй, впервые проводится лингвистический анализ текстов конвенции на английском и русском языках.

Ключевые слова: Северная Америка, колониальные владения, границы, Россия, США

Для цитирования: Петров А.Ю. К 200-летию со дня подписания первой Русско-американской конвенции. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024. 54(5):77-91. DOI: 10.31857/S2686673024050069 EDN: ZXBMEZ

To the 200th Anniversary of the Signing of the Russian-American Convention

Alexander Yu. Petrov

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, professor at Moscow State Linguistic University; 119991 Moscow Leninsky Prospekt 32a.

WoS Researcher ID: AAQ-5429-2020 Scopus Author ID: 55956501100;

ПИНЦ Author ID: 655169 ORCID: 0000-0002-1688-4096

E-mail: alaska13@yandex.ru

Abstract: This article examines the history of the formation of borders in the North Pacific Ocean from the late 18th to the first quarter of the 19th century. This period was marked by the

struggle between the United States and Russia for control of the North American territory. Russia was the first to declare its claims by announcing the expansion of its possessions to the south. Unlike in 1799, when Russia declared its overseas colonies without any objections from the United States, the 1821 attempt to expand the territory of Russian colonies by 10 degrees led to heightened tensions in Russian-American relations. Negotiations ensued, and the Russian government was forced to make concessions. As a result, in 1824, a convention was concluded between Russia and the United States, which defined the boundaries of their respective possessions in the region. The article, employing an interdisciplinary approach, utilizes new archival materials and, perhaps for the first time, conducts a linguistic analysis of the texts of the convention.

Keywords: North America, colonial possessions, borders, Russia, USA

For citation: Petrov, A.Y. To the 200th Anniversary of the Signing of the Russian-American Convention. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024. 54(5):77-91.

DOI: 10.31857/S2686673024050069 EDN: ZXBMEZ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность нашего исследования связана с 200-летием заключения конвенции между Россией и США 5 (17) апреля 1824 г., определившей границы на севере Тихого океана и ставшей основой территориального деления при уступке Аляски в 1867 г. В отечественной и зарубежной историографии в последние годы практически не рассматривалась данная проблема. Пожалуй, наиболее фундаментальное исследование было проведено академиком Н.Н. Болховитиновым в специальной главе в трехтомнике «История Русской Америки», который рассмотрел российско-американские переговоры при заключении конвенции [История Русской Америки (1732–1867). 1997–1999]. При этом вне поля специальных исследований оставалось изучение текста конвенции с точки зрения особенностей дипломатического перевода исторических документов.

В данном отношении мы опираемся на методику, выработанную при подготовке фундаментальных сборников документов в параллельных изданиях на русском и английском языках [Россия и США. 1980] и апробированную нами при публикации документов [Россия и Испания. 2020]. Кроме того, настало время переосмыслить данный вопрос и на основе новых архивных материалов, в том числе показать то, как и какие обстоятельства привели к заключению соглашения с США в 1824 г.

Активное освоение северной части Тихого океана, начавшееся во времена Петра Великого, усилиями В. Беринга и его сподвижников привело к дальнейшей колонизации в этом регионе, в результате чего возникла Соединённая Американская компания (САК), а затем и Российско-американская компания (РАК) в 1799 г. [Петров А.Ю. 2000: 100–105]. В уставных документах САК было сказано, что эта компания намерена «чинить прииски новых земель и островов в Северном, Тихом и Южном морях лежащим», заботиться о «приведении вновь отыскиваемых народов в Православную Христианскую веру» [1: 705–706].

В Привилегиях РАК было сказано, что южная граница русских владений проходит по 55° северной широты, при этом было объявлено, что граница утверждена «по открытию из давних времён российскими мореплавателями берега северо-восточной части Америки, начиная от 55° северной широты, и гряд островов, простирающихся от Камчатки на север к Америке». Во втором пункте сделана важнейшая оговорка – Российско-американской компании позволялось делать «новые открытия не токмо выше 55° северной широты, но и за оный далее к югу и занимать открываемый ею земли в российское владение». Правда, новые территории можно было присоединять к России только в том случае, «если оные никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость». Привилегии компании были дарованы правительством на 20 лет. [1: 703].

ВОПРОС О ГРАНИЦАХ

Молодое государство – Соединённые Штаты Америки, независимость которого была поддержана Екатериной II вооружённым нейтралитетом, были заинтересованы в подписании торгового договора с Российской империей. Испания и Великобритания – главные соперницы России в борьбе за колонии на северо-западе Америки отреагировали на образование РАК весьма сдержано. Ни Испания, ни Великобритания не выступили с какими-либо возражениями. Однако они не спешили признавать заявленные Россией границы. Осторожную реакцию обеих стран можно объяснить особенностями дипломатической ситуации того времени, связанной с борьбой против революционной Франции. Отношения между Испанией и Россией были весьма сложными, особенно в свете того, что в Мадриде отказались утвердить избрание Павла I Великим магистром Мальтийского рыцарского ордена [Sanchez D. 1961: 512–513].

Когда в конце 1798 г. Павел I объявил о том, что он берёт на себя управление Мальтийским орденом, последовал разрыв дипломатических отношений между Россией и Испанией. А в июле 1799 г. Россия вообще объявила войну Испании. Хотя никакие военные действия между державами так и не начались, Мадрид благоразумно предпочёл отказаться от каких-либо протестов относительно одностороннего объявления границ русских владений в Америке [Schop Soler A.M. 1970: 84].

Опасаясь нападения России на Калифорнию, испанцы предприняли шаги по усилению своей армии и флота в регионе [Альперович М.С. 1999: 173–182]. Великобритания также воздерживалась от конфликта с Россией из-за её североамериканских колоний, тем более что внешняя политика России была очень активной в защите своих интересов в регионе. Уже в марте 1799 г. русский полномочный представитель в Лондоне С.Р. Воронцов получил указ о посягательстве британских купцов на интересы САК. Ему было приказано официально проинформировать британский кабинет о незаконных притязаниях Британии на

контролируемое Россией северо-западное побережье Америки [Болховитинов Н.Н. 1966: 308].

Через несколько лет после того, как была образована РАК, принимается решение рекомендовать главному правителю колоний предпринять должные усилия для утверждения прав компании южнее 55-го градуса. Предполагалось, что эти действия могут быть подкреплены активизацией торговли с коренными народами, что в свою очередь приведёт к официальному объявлению новых колониальных границ Российской империи. В случае каких-либо выяснений прав на такие действия со стороны Испании и Великобритании следовало сослаться на право первооткрытия, имея в виду Вторую Камчатскую экспедицию Беринга – Чирикова, тем более что информация об этом плавании получила широкое распространение во всех столицах Европы [Российско-американская компания 1994. С. 34–35].

Директора компании полагали, что расширение её владений вполне возможно согласно дарованному уставу, в рамках которого и предполагалось действовать, где северная граница по широте в 55° определялась как условная.

Пограничные вопросы в Северной Америке снова стали важными в 1819 г., когда закончились привилегии РАК. Уже весной того года Особый совет рассмотрел новые правила и привилегии. Документ был одобрен ГП РАК и общим собранием акционеров и рекомендован к отправке в Министерство внутренних дел и коммуникаций.

В то же время был подготовлен обзор, в котором рассматривалась её история с 1797 по 1819 гг. В нём содержались и планы по дополнительным привилегиям [3: 7–83; 4: 178–261].

Директора РАК полагали, что пришло время расширить территории, контролируемые компанией. Предлагалось установить южную границу колоний вплоть до 45° с. ш., то есть сразу на 10° или примерно на 440 километров. В этом случае колонии России включали бы протяжённое побережье северо-запада Америки с островом Ванкувера и даже устье реки Колумбии. Отмечалось, что поселения колониальных держав там отсутствовали [Warren L. 1973: 126].

Обсуждение этих вопросов продолжалось более года. В дискуссии по документам участвовали представители нескольких министерств и ведомств, а также сибирский губернатор М.М. Сперанский. Итоговый документ был утвержден 18 августа 1821 г. [3: 243]. Этот документ расширял привилегии РАК [5: 842–854].

Александр I пошёл навстречу просьбам директоров компании о запрещении иностранцам заниматься коммерцией в русских колониях. Кроме этого запрета, иностранным судам запрещалось приближаться к селениям России ближе, чем на 100 итальянских миль [6: 823–832]. Устав был продлён на 20 лет. Граница русских колоний устанавливалась до 51° северной широты, что было примерно в два раза меньше, чем просили директора компании. По всей видимости, в МИД хорошо помнили спор из-за залива Нутка и предпочли воздерживаться от приближения к спорным территориям.

Указ от 4 сентября 1821 г. вскоре был направлен во все европейские страны и США. Ожидаемо последовали требования по получению разъяснений. Наиболее серьёзными и последовательными оказались претензии США и Англии. Аргументы российских дипломатов в основном сводились к праву первооткрытия и фактической деятельности русских колоний на севере Тихого океана. Для американских и английских дипломатов это были ожидаемые аргументы. В США была выработана стратегия воздействия на Россию для отмены или существенной корректировке указов Александра I.

Уже в феврале 1822 г. этим государством был отправлен протест русскому посланнику в Америке П.И. Полетике [7: 44, 46 об.]. С этого времени на разных уровнях американцы последовательно требовали у России решить вопрос о границах. По мнению Министерства иностранных дел Российской империи продолжающийся спор наносил ущерб общему положению России как колониальной державы и отражался на её европейских делах. Поэтому МИД принял решения согласиться на требование США официально утвердить границу российских колоний в Америке.

Американцам удалось добиться вынесения вопроса о границах на специальные переговоры. В истории русской тихоокеанской колонизации эти переговоры стали первыми, состоявшимися под давлением другой страны. Давление, которое оказывала английская дипломатия после третьего путешествия Дж. Кука, не увенчалось успехом и его результаты применительно к действиям России оказались вторичными. Даже основание крепости и селения Росс на территориях, которые Испания считала своими колониями, оказали весьма незначительное воздействие на в общем-то отстранённое отношение МИД на деятельность РАК в Калифорнии.

США же, как и в случае установления дипломатических и торговых отношений с Россией, стали инициаторами данного процесса. Дипломатические переговоры между двумя странами начались в Санкт-Петербурге в феврале 1824 г.

Стратегия переговоров, по всей видимости, была разработана Дж. К. Адамсом. Американский представитель на переговорах Г. Миддлтон сразу заявил позицию США, которая звучала как требование: свобода судоходства, разрешение гражданам США рыболовства в северной части Тихого океана, торговля с коренным населением там, где отсутствовали русские поселения. Однако наибольшие возражения прозвучали относительно южной границы колониальных владений. Миддлтон предложил отодвинуть границу на север вплоть до 55° с. ш., или на 4° севернее. Миддлтон был южанином, рабовладельцем, привыкшим за свою карьеру к ожесточённым спорам и к отстаиванию своих позиций [Ferrell R.H. 1959]. Кроме того, круг его полномочий был необычайно широк и распространялся и на вопросы, связанные с Восточной Европой, что делало его весьма компетентным переговорщиком [Bergquist H.E. 1983].

Кроме того, как выяснил американский исследователь Х. Берквист, Миддлтону удалось установить прямые отношения с российским Министерством

финансов и в его распоряжении были вполне конфиденциальные бумаги, связанные с бюджетом Российской империи. Миддлтон прекрасно знал, в каких товарах из США и других стран была заинтересована Россия. Эти знания он с успехом использовал в переговорах [Bergquist H.E. 1977].

В переговорах принимал участие весьма узкий круг лиц: Г. Миддлтон, К.В. Нессельроде и П.И. Полетика, а также помощники с той или другой стороны. Переговоры проходили в обстановке секретности, другие министерства и ведомства Российской империи о сути переговоров если и имели представление, то самое общее. По всей видимости, о ходе переговоров докладывали царю.

Американский исследователь Б. Холл ещё в 1930 г. признал, что «торговые факторы были основными причинами заключения конвенции, при этом у России были весьма обоснованные претензии на обсуждаемые территории как по праву первооткрытия, так и их заселения» [Hall B. 1930: 33]. Американцы обращали внимание на необходимость сохранения принципа свободы судоходства. В общем это был один из основных принципов, отстаиваемых США со времён становления торговых и дипломатических отношений.

Так, ещё в 1799 г. государственный секретарь Т. Пикеринг писал посланнику США в Лондоне Р. Кингу: «Важное и представляющее интерес условие состоит в том, чтобы гражданам и подданным обеих сторон была предоставлена полная свобода судоходства и торговли во всех владениях указанных сторон, где навигация и торговля в настоящее время разрешены какому-либо другому государству» [Россия и США: становление отношений, 1980: 218].

В архивах сохранилась переписка между Г. Миддлтоном и Р. Рашем, анализ которой показал, что переговорам предшествовали интенсивные консультации США с Великобританией. Позиция Великобритании заключалась в проведении переговоров сначала по отдельности, а потом совместно при заключении трёхсторонних соглашений.

Н.Н. Болховитинов полагал, что провозглашение доктрины Монро воспрепятствовало совместным против России действиям Англии и США, и приводил в пример письмо Раша в Вашингтон. Между тем Раш писал это письмо 9 января 1824 г. Миддлтону, который был в это время в Санкт-Петербурге: «... Мистер Каннаг намекнул мне, что действовать раздельно было изначальным намерением его [английского – А.П.] правительства, на этот счёт были даны инструкции сэру Чарльзу Баджоту, и что наше правительство желает, чтобы все три державы проводили переговоры...» [8: 185]. Исходя из текста данного письма, всё же думается, что хотя провозглашение доктрины Монро 2 декабря 1823 г. и воспринималось неоднозначно в Великобритании, решение о проведении с Россией переговоров принималось заранее.

В современной американской трактовке событий 1824 г. присутствует такой вывод: «Великобритания сочла запрет на движение иностранных судов противоречащим законам государств, а Соединённые Штаты заявили, что Россия нарушает принцип доктрины Монро, согласно которому на американском

континенте больше не должно возникать новых европейских колоний. Когда Великобритания решила вести переговоры с Россией отдельно, Соединённые Штаты сделали то же самое» [9].

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ

В апреле 1824 г. стороны подписали конвенцию. Это совсем небольшой по объёму документ «Конвенция, заключённая в Санкт-Петербурге между Императором Всероссийским и правительством Американских Соединённых Штатов о непоколебимом сохранении состоящей между ими дружественной связи».

Лингвистический анализ текстов договоров на русском и английском языках показывает определённые отличия. Первое отличие – это название. Английское название договора «*Convention Between the United States of America and His Majesty the Emperor of All the Russias, Relative to Navigating, Fishing, Etc., in the Pacific Ocean*» (Concluded April 17, 1824) конкретизирует, какие именно аспекты отношений между государствами затрагивает данное соглашение (мореплавания, рыбной ловли) и в каком регионе (в Тихом океане). Что касается русского названия, встречается два варианта.

В первом варианте названия «Конвенции, заключенной в Санкт-Петербурге между Императором Всероссийским и правительством Американских Соединённых Штатов о непоколебимом сохранении состоящей между ими дружественной связи», делается упор на характер отношений между государствами («дружественной связи») и временной продолжительности этих связей: «неколебимом», то есть вечном. Второй вариант «Конвенция о дружественных связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле» конкретизирует предмет договора, но, с другой стороны, сохраняет фокус внимания на «дружественной связи».

В фокусе внимания русского названия находятся отношения и их длительность, а в центре внимания английского – виды деятельности и пространство. Перевод конвенции с одного языка на другой достаточно точный, ряд расхождений объясняется применением переводческих приёмов, с точки зрения практики перевода достаточно оправданных. Например, в Статье 1 используется антонимический перевод, не искажающий смысл статьи.

Значение слова *disturb* определяется как *to interrupt what someone is doing* и переводится русским словом «мешать» или «препятствовать». Значение лексической единицы *restrain* синонимично предшествующей единице и определяется в слове следующим образом: *to control the actions or behavior of someone by force, especially in order to stop them from doing something*. Это определение сочетает значения «препятствовать» и «контролировать» и обычно переводится русским словом «ограничивать». Русский перевод «беспрепятственно и с полной свободой» антонимично передаёт все эти значения. Обращает внимание и различие в обозначении американцев и россиян: американские жители обозначаются словом *citizens*

(граждане), а россияне обозначаются как *subjects* (подданные). Это отражает различие в политических системах двух государств.

Язык документа на русском языке менее официален, по эмоциональной окраске, например, выражение «доброе между собою согласие» звучит более сердечно, чем *perfect concord*. Кроме того, в русском документе присутствует гораздо большее число архаизмов: «любезноверных», «тамошними», «сих», «ибо» – всего 10 единиц. В устаревшем значении используется слово «помешательство»: «взаимно заходить без малейшего помешательства во все внутренние моря». В английском тексте слов, устаревших с точки зрения современного английского языка нет. Есть лексические единицы, присущие официально-деловому стилю и звучащие архаично в других стилях, например *hereinafter*.

С точки зрения особенностей содержания, отметим, что уже в преамбуле документа показывается его цель – укрепление дружественных отношений и согласия между Россией и США. Первая статья фактически отменяла указ 1821 г. о запрете торговли иностранцам в Русской Америке и разрешала то, чего добивались американцы.

Последующие статьи вносили определённые уточнения о том, что торговля разрешалась в случае получения разрешения от властей на местах по прибытии коммерческих судов к селениям США и России на северо-западе Америки и торговле с аборигенами в тех местах. Для России статьи договора были весьма болезненными, так как разрешали гражданам США заниматься рыбной ловлей и вести и торговлю в незанятых Россией местах. Это было достаточно сложно сделать, так как контролировать огромную по протяжённости прибрежную полосу лишь тысячёю русскими колонистами было практически нереально. Правительство Российской империи так и не предоставило возможность переселяться в колонии не только представителям других государств, но даже собственным подданным, в отличие от США, где население постоянно увеличивалось за счёт эмиграционных потоков со всего мира.

Показательно, что во время переговоров с США ГП РАК вело переписку с ходатайством о возможности заселения одного из Курильских островов «свободными хлебопашцами» [10: 1–47]. Пожалуй, единственной уступкой США стало согласие включить спиртное и оружие в статьи запрещённой торговли. Срок беспрепятственной торговли ограничивался десятью годами. Однако на деле эти условия выполнить оказалось сложно, а подчас и просто невозможно, о чём показали выявленные нами документы в РГАВМФ за 1854 г., где прямо говорилось о несоблюдении американцами данной конвенции и принятии должных мер к её нарушителям [7: 3–5].

Заключение конвенции показало, что по отношению к российским колониям указы и распоряжения императора могут быть пересмотрены. Россия и США поделили территории, которые РАК считали колониями России. Соединённым Штатам переходили территории, где не было её поселений. Граница определялась в 54° и 40' с. ш. Территории, которые РАК считала зоной своих интересов, не

были спорными. В отличие от Нутка-зундского кризиса и споров из-за крепости Росс, США не оспаривали у России право первооткрытия.

К переговорам не пригласили и не известили представителей Испании, на картах которой эти территории всё ещё обозначались испанскими владениями. Игнорирование интересов этой страны стало возможным из-за событий 1821 г. и провозглашением независимости Мексики. Другие государства также были поставлены просто в известность без предварительного обсуждения.

РАК была не только отстранена от участия в переговорах, но её интересы и мнение никто не представлял. Не были проанализированы возможные последствия для её финансово-хозяйственного состояния и последствия для акционеров. Коммерческая составляющая обсуждалась почти исключительно с американских позиций. Со стороны МИД не было и запросов в ГП РАК даже в завуалированной форме, которые бы давали пояснения по тем территориям, от которых России пришлось отказаться. МИД также не запрашивало мнения акционеров РАК по данному вопросу. Единственные акционеры РАК, которые могли быть в курсе – это царская семья.

Н.Н. Болховитинов выяснил, что один из немногих государственных деятелей, кто выступил в поддержку РАК был адмирал Н.С. Мордвинов. Между тем во время заключения конвенции Мордвинов уже не был столь влиятелен в правительственных кругах, как в начале XIX века. Выявленные архивные документы показывают, что в целом и в Морском министерстве были настроены скептически по отношению к конвенции. Особое недовольство вызывал факт отсутствия консультаций по данному вопросу с представителями Морского министерства России, офицеры которого были главными правителями русских колоний в Америке.

Представляется, что позиция Мордвинова была скоординирована с точкой зрения ГП РАК. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые аргументы Мордвинова совпадали с мнением Главного правления РАК, фигурировавшим в более ранних записках.

В январе и феврале 1824 г. Мордвинов составил три записки, в которых изложил своё видение границ русских владений в Америке. Все они были адресованы министру иностранных дел К.В. Нессельроде. Адмирал писал: «...необходимо нужно остановиться по 53° и 40', то есть по N мыс острова Шарлот». Главным аргументом, подтверждающим права России на эти земли, Мордвинов называл право первооткрытия и первоначального освоения. Мордвинов в своих письмах был эмоционален и требователен. Он оперировал даже не интересами РАК, а России в целом, отмечая, что уступаемые территории осваивались жителями России, жертвовавшими своими жизнями и состоянием ради достижения величия государства. Особенное беспокойство им выражалось в том, что и другие государства, особенно Великобритания будут требовать от России дальнейших уступок, которые могут нанести ущерб аборигенам, уже принявшими Православие» [11: 641–642, 643–644, 644–647].

Министр иностранных дел Нессельроде, ознакомившись с письмами Мордвинова отправил ему ответ, где указал, что донёс его мнение Александру I. Как и в случае с отказом от Гавайских островов, мы знаем о точке зрения российского императора только со слов Нессельроде. По его словам, Александр I отметил 11 апреля 1824 г., что при учёте одних обстоятельств, следует учитывать и другие важные государственные дела. Это был весьма уклончивый ответ. Нессельроде трактовал мнение Александра I таким образом, что заключение соглашения с США о границах приоритетно, даже при потере территорий, на которых могут проживать принявшие Православие аборигены и креолы, при том, что, по переданному мнению Александра I на уступленных территориях отсутствуют поселения РАК [12: 429–432 об.].

К.В. Нессельроде вскоре сообщил члену ГП РАК купцу А.И. Северину о конвенции. Главное правление РАК предложило созвать совещание Особого совета. Одновременно об этой конвенции были направлены уведомления главному правителю русских колоний М.И. Муравьеву в Ново-Архангельск [7: 1–21]. На этом заседании 10 мая 1824 г., изучив текст конвенции, члены совета пришли к выводу, что конвенция может серьезно подорвать благополучие компании. При этом любые коммерческие отношения с аборигенами должны быть ограничены и исходить только с разрешения колониальных властей.

В этом отношении то был определённый перегиб, о котором знали в МИД. Главный правитель Муравьев, наоборот жаловался, что отстранение иностранцев от торговли в колониях поставит их на грань выживания, так как именно американцы доставляли так нужные для колоний припасы и подчас продавали свои суда русским [История Русской Америки.1999: 356–365].

Члены Совета приняли решение обратиться к министру финансов Е.Ф. Канкрину. В посланиях мая – июня 1824 г. ГП РАК подчёркивалось, что конвенция является нарушением Устава компании и приведёт к истощению природных ресурсов колоний. Они просили пересмотреть статьи конвенции. Особенно они настаивали на исключении статьи о возможности торговли американцев с аборигенами [13. 1982: 460–462, 493–497]. Кроме того, Особый совет компании подготовил специальные бумаги на имя Александра I с ходатайством об отмене статей конвенции [14: 1].

Мнение Особого совета РАК было сложно проигнорировать, так как в его состав входили влиятельные сановники. Александр I издал распоряжение организовать специальный Комитет, куда вошли министр финансов Е.Ф. Канкрин, министр иностранных дел К.В. Нессельроде, М.М. Сперанский, директор департамента мануфактур и внутренней торговли Я.А. Дружинин и дипломат П.И. Полетика. Хотя на заседании Комитета 21 июля 1824 г. присутствовали директора РАК, они не получили должной возможности высказать своё мнение. Доминировала точка зрения МИД в лице Нессельроде, которая заключалась в том, что при заключении конвенции российская сторона исходила из интересов России при

разрешении территориальных споров и впервые смогла установить южную границу российских колоний в Америке.

Хотя Е.Ф. Канкрин и Я.А. Дружинин смогли высказать особое мнение, в итоговый протокол занесли постановление, согласно которому посланнику в Вашингтоне Ф.В. Тейлю следовало заявить американскому правительству, что торговля граждан США и промысел морского зверя должны ограничиваться территорией между 59°30' и 54°40' с. ш. [13. 1982: 556–561]. Он получил дополнительные инструкции и письма от К.В. Нессельроде [15: 25].

Ф.В. Тейль в процессе ратификации документа в США воздержался от представления каких-либо дополнительных мнений и требований по уточнению положений конвенции. По данному вопросу он провёл переговоры с государственным секретарем Дж. К. Адамсом, который смог убедить его в том, что высказывание любых альтернативных точек зрения могут нанести вред двусторонним отношениям [13. 1985: 21–32].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на предпринятые ГП РАК усилия, все положения конвенции остались в том виде, в котором они были заключены 5 апреля 1824 г. Мнения Особого совета и даже влиятельных чиновников Российской империи не были приняты во внимание. По мнению академика Н.Н. Болховитинова, в отличие от правительства в США, которое проявило настойчивость в отстаивании торговых кругов своего государства, возглавляемое К.В. Нессельроде министерство, проигнорировало альтернативное мнение, хотя и знало о нём [История Русской Америки. Т. 2, 1999: 421, 436–441].

Таким образом, конвенция 1824 г. – эта первая значительная уступка части российских территорий США. К переговорам не были привлечены представители других государств.

Процедура заключения конвенции привела к появлению юридического прецедента – указы императора по отношению к колониям могут быть временными и могут быть пересмотрены в любой момент. Данный прецедент повторился уже в 1867 г. уступкой Аляски США, которую также провели в обстановке полной секретности и таким же отстранённым отношением уже Александра II. Заключение соглашения продемонстрировало, что вопросы, связанные с границами собственных колоний, МИД Российской империи решал без должных согласований с РАК, которая находилась под покровительством императора. Более того, министерство действовало настолько самостоятельно, что эта самостоятельность вызвала недовольство у руководства Морского министерства. Особое мнение выразило и Министерство финансов в лице Канкрина и директора департамента мануфактур Дружинина. Думается, что Император Александр I принимал позицию МИД, хотя чёткое понимание его личной точки зрения ещё предстоит выяснить. Россия уступила практически по всем позициям, особенно в вопросе

фиксировании границ, существенно сокращавших территории российских колоний в Америке.

Основным действующим лицом, находящимся как бы за кулисами переговоров, был Дж. К. Адамс, который, получив опыт работы в качестве посланника США в России, нацеливал Г. Миддлтона на жёсткий курс переговоров, при этом в контексте укрепления дружественных двусторонних связей. США и Англия действовали с общего согласия по заключению последовательных с Россией соглашений, о чём российской дипломатии было не известно.

Заключенное соглашение способствовало укреплению связей с США. Россия показала, что рассчитывает на дружбу с США. Последующие события в первой половине XIX века показали, что между государствами росли понимание и поддержка, особенно в ходе Крымской войны. При этом, с другой стороны, события продемонстрировали упущение собственных интересов на севере Тихого океана и вступление в период последовательно отстраненного отношения к интересам Российско-американской компании на севере Тихого океана, которые были связаны сначала с уступкой крепости и селения Росс, а затем и продажей Аляски. Между тем само соглашение становится тем документом, который впервые юридически закрепил за Россией осваиваемые ей на протяжении столетия территории, а также уже окончательно подвёл черту притязаниям Испании на северную часть Тихого океана.

Дж. К. Адамс умело сыграл на стремлении России добиться заключения договора, даже в ущерб собственным экономическим интересам, хотя именно собственные экономические интересы и отстаивала американская сторона в первую очередь.

ИСТОЧНИКИ

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Соб. 1-е. Т. 25. № 19030;
2. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815 гг.: Сборник документов / Сост. Иоффе А. Е., Спиридонова Л. И. Москва: Наука, 1994. 278 с.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. РАК. Оп. 888. Д. 288.
4. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. РАК. Оп. 888. Д. 125.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Соб. 1-е. Т. 37. № 28756. С. 842–854.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Соб. 1-е. Т. 37. № 28747. С. 823–832.
7. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). 410. Оп. 2. Д. 313.

8. Correspondence in Relation to the Proposed Inter-oceanic Canal Between the Atlantic and Pacific Oceans, the Clayton-Bulwer Treaty and the Monroe Doctrine: Being a Reprint of Senate Ex. Docs. No. 112, 46th Cong.; 2d Sess.; No. 194, 47th Cong., 1st Sess.; and No. 26, 48th Cong., 1st Sess. U.S. Government Printing Office, 1885. P. 185.

9. State of the Union History. Available at: <http://www.stateoftheunionhistory.com/2017/11/1824-james-monroe-russo-american-treaty.html?m=1> (accessed 06.03. 2024)

10. Переписка ГП РАК о возможности заселения курильских островов, 31.07.823 – 26.07.1824 // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. РАК. Оп. 888. Д. 306. Л. 1–47.

11. Архив графов Мордвиновых. Т. 6. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1902. XIV, 700 с.

12. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 1375. Оп. 1. Д. 4.

13. Внешняя политика России XIX и начала XX вв. Документы Российского министерства иностранных дел. М.: Госполитиздат. Т. 4. 1965. 783 с.; Т. 5(13). 1982. 832 с.; Т. 6 (14). 1985. 928 с. Т. 5. 1967. 784 с.

14. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 445. Оп. 1. Д. 78.

15. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 170 (Посольство в Вашингтоне). Оп. 512/3. Д. 24

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

История Русской Америки (1732–1867): В 3 т. / Под ред. Н.Н. Болховитинова. Москва: Международные отношения, 1997–1999.

Россия и США: становление отношений, 1765–1815 / Сост. Н.Н. Башкина, Н.Н. Болховитинов, Дж.Х. Браун и др. Москва: Наука, 1980. 752 с.

Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов): монография в документах / общ. ред. А.Ю. Петров. Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2020. 218 с.

Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании. Москва: Наука, 2000. 151 с.

Альперович М.С. Образование Российско-американской компании в свете противостояния России и Испании. *Русская Америка, 1799–1999: материалы международной конференции «К 200-летию образования Российско-американской компании. 1799–1999. М., 6–10 сентября 1999 г.* Москва: ИВИ РАН, 1999. С. 173–182.

Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815 гг. Москва: Наука, 1966. 639 с.

Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841: Сб. документов / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. Москва: Наука, 2005. С. 162–163.

REFERENCES

Istoriia Russkoi Ameriki [History of Russian America] (1732–1867): In 3 volumes (In Russ.). Ed by N.N. Bolkhovitinov. Moscow: International Relations, 1997–1999.

Rossiia i SShA: stanovlenie otnoshenii [The United States and Russia: The Beginning of Relations], 1765–1815 (In Russ.). Ed. by N.N. Bashkina, N.N. Bolkhovitinov, J. H. Brown, et al. Moscow, Nauka. 1980. 752 p.

Rossiia i Ispaniia na severo-zapade Ameriki vo vtoroi polovine XVIII veka (po materialam ispanskikh arkhivov): monografiia v dokumentakh [Russia and Spain in the Northwest of America in the second half of the 18th century (on materials from Spanish archives): monograph in documents] (In Russ.). Compilation, general editorship – A.Yu. Petrov. Ryazan: Ryazan State University, 2020. 218 p.

Petrov, A.Yu. Obrazovanie Rossiisko-amerikanskoi kompanii [Formation of the Russian-American company] (In Russ.). Moscow: Nauka, 2000. 151 p.

Alperovich, M.S. Obrazovanie Rossiisko-amerikanskoi kompanii v svete protivostoianiia Rossii i Ispanii [The formation of the Russian-American company in the light of the confrontation between Russia and Spain] (In Russ.). *Russkaia Amerika, 1799–1999: materialy mezhdunarodnoi konferentsii «K 200-letiiu obrazovaniia Rossiisko-amerikanskoi kompanii. [Russian America, 1799–1999: materials of the international conference “To the 200th anniversary of the formation of the Russian-American company. 1799–1999”]* (In Russ.). Moscow: IWH RAS, 1999. pp. 173–182.

Bolkhovitinov, N.N. Stanovlenie russko-amerikanskikh otnoshenii [The formation of Russian-American relations, 1775–1815] (In Russ.). Moscow: Nauka, 1966. 639 p.

Rossiisko-amerikanskaia kompaniia i izuchenie Tikhookeanskogo Severa [Russian-American company and the study of the North Pacific, 1815–1841: Coll. of documents] (In Russ.). under general editorship of N.N. Bolkhovitinov. Moscow: Nauka, 2005. 162–163 pp.

Sanchez, D. Vigilado por las embajadas espanolas. *Revista de Indias*. N 85–86. Madrid, 1961. P. 512–514.

Schop Soler, A.M. Die Spanisch-russischen Beziehungen im XVIII Jahrhundert. Wiesbaden, 1970. 264 p.

Warren, L. Flood Tide of Empire: Spain and the Pacific Northwest, 1543–1819. New Haven and London: Yale University Press, 1973. 620 p.

Ferrell, R.H. American diplomacy: A History. New York, WW Norton and Company, 1959. 576 p.

Bergquist, H.E. Henry Middleton as Political Reporter: The United States, the Near East, and Eastern Europe, 1821–1829 *The Historian*. 1983. № 45 (3). P. 355–357.

Bergquist, H.E. Economic Interests in Russia and Turkey. *East European Quarterly*. 1977 *East European Quarterly*. Vol. XI. No. 1. P. 27–41.

Hall, B. The Relations Between the United States and Russia Between 1818-1824. Southeastern State Teachers College. 1930. P. 33.

Gibson, J. Otter skins, Boston ships, and China goods: The Maritime Fur trade of the Northwest Coast, 1785-1841. Seattle: University of Washington Press, 1992. 422 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕТРОВ Александр Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

119991 Москва Ленинский проспект 32а.

Профессор, Московский государственный лингвистический университет.

119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38.

Alexander Yu. PETROV, Doctor of Sciences (History), chief researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences,

32a Leninsky Prospekt; Moscow, 119991 professor at Moscow State Linguistic University.

38 Ostozhenka St, Moscow, 119034.

Статья поступила в редакцию 07.03.2024 / Received 07.03.2024.

Статья поступила после рецензирования 20.03.2024 / Revised 20.03.2024.

Статья принята к публикации 22.03.2024 / Accepted 22.03.2024